

Ф. В. НИКОЛАИ, А. В. ХАЗИНА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ГЕНДЕРНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦЕПЦИЯ ПОСТПАМЯТИ М. ХЁРШ

В статье рассматривается концепция постпамяти М. Хёрш – одного из лидеров американских cultural studies. Она выявляет важный зазор или цезуру между позициями двух поколений исследователей: для поколения, прошедшего вторую мировую и пережившего Холокост, стремление к рациональному осмыслению прошлого оказывается принципиально важным, но фактически не достижимым – настолько мощные силы аффекта и шока оно пробуждает. Для их детей, чье детство пришлось на уже послевоенное время, арсенал классической рациональности оказывается ограничен этическими соображениями: признание разрывов и лакун исторической (пост)памяти представляется им крайне важным противоядием циничному «присвоению» опыта Другого.

Ключевые слова: *cultural studies*, визуальные исследования, семейные рамки, постпамять, исследования травмы, пределы репрезентации, проработка прошлого.

Сегодня в отечественной историографии все больший интерес вызывает проблематика исторической памяти¹. Ее конститутивными рамками выступает общеевропейская полемика вокруг концептов «культурной памяти» (при всех различиях ее понимания Й. Рюзенем, Яном и Алейдой Ассман) и «национальной памяти» (в трактовках Б. Андерсона и П. Нора). Ни в коем случае не стремясь нивелировать очень важные методологические нюансы и различия между ними, отметим их акцент на формировании социальной идентичности, примиряющей разного рода оппозиции, в частности когнитивное и прагматико-политическое измерение исторической памяти. Как отмечает Л.П. Репина, социальная память «не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании»².

Однако данная (условно назовем ее «европейской») модель, прослеживающая континуитет и преемственность традиций, не является единственной. В американских исследованиях культуры получил преобладание акцент на разрывах в политике памяти, представляющейся

¹ См., например: Трубникова. 2005; Васильев. 2008; Копосов. 2011; Леонтьева. 2011; Репина. 2011; Репина. 2012 и др.

² Репина. 2012. С. 189.

скорее гетерогенной, чем однородной. Конечно, предлагаемая оппозиция весьма условна. Нужна она не только для того, чтобы понять историографические границы «мемориального бума», но и для более четкого осознания его внутренних методологических ресурсов, в частности, механизмов работы культурной и политической памяти. Как именно связаны ее прагматическое и когнитивное измерение? И насколько универсальна эта взаимосвязь?

Не претендуя пока на масштабные обобщения, рассмотрим лишь один историографический случай, где «сознательная рефлексия» вынуждена признать ограниченность своих универсалистских претензий — концепцию постпамяти профессора Колумбийского университета Марианн Хёрш (1949–), которая в 1950-е гг. эмигрировала вместе с родителями из Венгрии, в 1970 г. окончила университет Брауна и, начав академическую карьеру в рамках гендерных исследований³, в 1990-е гг. переключилась на визуальную проблематику и обратилась к *memory studies*. Она стала широко известна как в США, так и в Европе не столько как активный организатор целого ряда конференций по этой проблематике⁴, сколько благодаря оригинальной концепции постпамяти, ставшей результатом довольно длительной эволюции ее взглядов⁵.

Одной из первых работ Хёрш стала книга «The mother/daughter plot», название которой условно можно перевести как «Сюжет дочки-матери: нарратив, психоанализ, феминизм» (1989). Актуальная для 1980-х годов попытка совместить исследования нарратива, постлакановский психоанализ и гендерную критику четко обозначена в подзаголовке работы. Однако уже здесь они интересуют автора как ключ к пониманию более общего механизма культурного наследования социальных и гендерных ролей⁶.

³ Напомним, что американское сообщество *women's studies* неразрывно связано с левым политическим активизмом. Так что интерес к теоретическим проблемам и истории женского движения у М. Хёрш всегда сочетался с участием в пикетах и выступлениях — например, в 1991 г., 2002 г. и т.д. Подробнее см.: *Hirsch*. 2009.

⁴ *The Familial Gaze*. 1999; *Teaching the Representation...* 2004; *Rites of Return...* 2011; etc.

⁵ Показателем этой популярности стало широкое распространение понятия «постпамять» в американских *cultural studies* и за их пределами. Например, в январе 2012 г. прошла фото-выставка Габриэля Кроппи «Шоа и постпамять», одним из кураторов которой стала М. Хёрш; в апреле 2013 г. Колумбийский университет провел конференцию «Постпамять и творчество»; к сентябрю 2013 г. Маржена Соколовска-Париц из университета Варшавы и Мартин Лешнигг из университета Граца издадут сборник «Великая война и пост-память: литература, драматургия и кино». В США по этой проблематике уже защищено несколько докторских диссертаций. См. также: *Dawson*. 2010; *Geschier*. 2006; *Kaplan*. 2011; etc.

⁶ *Hirsch*. 1989. P. 222.

Хёрш считает, что европейская культура репрессирует и вытесняет память о неразрывной взаимосвязи ребенка и матери на до-эдипальной фазе развития психики, замещая ее моделью господства в социальных и гендерных отношениях. И основным транслятором этой идеологии господства оказывается классическая литература, с ее акцентом на линейный нарратив и мимесис⁷. Даже «сюжет» [plot] взаимоотношений матери и дочери (начиная с Иокасты и Антигоны, Клитемнестры и Электры) определяется через фигуры мужа или отца. Ключевую роль в этом замещении играют «семейные рамки памяти» – активные и переменные механизмы посредничества между индивидом и социальными макроструктурами, отвечающие за включение человека в разного рода коллективные идентичности, ключевым образцом для которых выступает семья. Хёрш пытается найти альтернативные культурные практики, не ориентированные на господство и «неклассические» сюжеты (например, миф о Деметре и Персефоне с его циклическим временем, порывающим с линейностью классического нарратива). В этом контексте ее начинают в большей степени интересовать травмированная память, траур и молчание.

Ее следующая книга – «Семейные рамки: фотография, нарратив и постпамять»⁸ (1997) – прямо продолжает эту линию. Однако подзаголовок показывает, что теоретический уровень (психоанализ и феминизм) становится для автора менее важен, чем уровень посредников — семейной фотографии и (пост)памяти, говоря о которых исследователь не может занять отстраненной позиции, но оказывается неизбежно пристрастен и вовлечен в актуальные отношения. Отправной точкой Хёрш становится саморефлексия о роли образов своих близких в конструировании семейной памяти. Отталкиваясь от знаменитой работы Р. Барта «Camera Lucida», она отмечает, что важные для нас семейные фотографии продолжают «ранить» – создавать некий трудноуловимый укол или *punctum*. Символический (семиотический) уровень явно не достаточен для понимания воздействия этих образов. Именно поэтому Барт и не показывает в своей книге фото матери – не хочет делать из него объект для клишированных жестов кодирования и психоаналитических манипуляций. Продолжая мысль Барта, Хёрш рассматривает фотографию не

⁷ Ibid. P. 53.

⁸ Хёрш сознательно играет на многозначности слова *frame*, означающего не только рамку или каркас, но и остов, скелет, остаток, реликт, а также кадр, структурную единицу, систему и т.д. Выражение *family frame* («семейные рамки») лишь отчасти отсылает к предельно влиятельной социологической традиции М. Хальбвакса или фрейд-анализу Г. Бейтсона и Э. Гоффмана. Отсутствие прямых ссылок на их тексты у Хёрш можно считать показателем специфики ее взглядов, которая требует отдельного и обстоятельного анализа в контексте полемики внутри фрейд-анализа.

просто как лакуну или значащее отсутствие, но и как некое позитивное сопротивление – стратегию выживания, памяти и свидетельства. Фотография как медиум несводима к нейтральному, кодированному культурой образу, автоматически воздействующему на зрителя. Для Хёрш это, с одной стороны, материальный остаток (frame как *остов*), с другой стороны – *кадр* и материальный образ, но также и практика *включения* в определенную общность как основа поддержания двусторонних семейных связей между поколениями⁹.

Поэтому обмен взглядами с фотографией работает как перформатив – меняет зрителя, вызывая аффект и заставляя постоянно переосмысливать сами «семейные рамки». Последние в XX в. оказались взорваны войнами и насилием предельных исторических событий, поэтому вернуться к прежним моделям «традиционных семейных ценностей» просто невозможно. По мнению Хёрш, для работы с двусторонней семейной памятью словарь классической истории не очень подходит – необходим новый язык или система значений, соответствующих невербальному языку зрения («бессознательной оптике» В. Беньямина). Этот язык должен пересмотреть старые символические коды – устойчивые представления о семейных ролях, образ «идеальной» буржуазной семьи.

Парадигматическим примером, поясняющим этот феномен переосмысления и конструирования публично-приватного пространства, для Хёрш становится проект Арта Шпигельмана «Маус», выражающий, прежде всего, работу семейной памяти (его отношения с отцом и матерью, прошедшими через Холокост) и переосмысление связей между поколениями «выживших» и «родившихся позже». Фотографии здесь оказываются инкорпорированы в ключевые места «комикса» – чередования рисованных образов и текста, которое вслед за У.Т. Митчеллом Хёрш называет «образ-текст» (*imagetext*). Они одновременно подтверждают прошлое и подчеркивают неустранимость временной дистанции¹⁰. Единый мастер-нарратив или некое универсальное символическое посредничество здесь вряд ли возможно. Поэтому, по аналогии с лиотаровским «состоянием постмодерна» или понятием «пост-медиума» Р. Краус, Хёрш говорит о «постпамяти».

Продолжая работать с этой проблематикой в 2000-е гг. Хёрш пишет серию статей, которые объединяет в монографию «Поколение постпамяти». Кроме того, вместе с мужем Лео Шпитцером и родителями она совершает три поездки в Черновцы — небольшой город Придне-

⁹ Hirsch. 1997. P. 6-7.

¹⁰ Ibid. P. 23.

стровья, где их семья жила до второй мировой войны, по итогам выпускающей книгу «Призраки дома»¹¹. В этих текстах она более детально разрабатывает свою концепцию и артикулирует ее отличие от приобретающих все большую популярность исследований травмы, настаивающих на радикальном разрыве репрезентации.

Хёрш готова присоединиться к сторонникам *trauma studies* в противопоставлении истории и памяти: «Телесные, психические и аффективные воздействия травм, их последствия и те пути, которыми та или иная травма может реактивировать другую, выходят за рамки традиционных исторических архивов и классической исторической методологии»¹². По мнению Хёрш, эта проблематика затрагивает более общие вопросы этики воспоминания и теории репрезентации. Для памяти важна не столько объективность (она всегда субъективна, точнее субъектна), сколько стремление к справедливости, что оправдывает разделение и даже противопоставление в рамках *trauma studies* «экзистенциального свидетельства» о предельных исторических событиях (*witnessing*) и неизбежно неполного, но обладающего важным этическим измерением, «свидетельского показания» (*testimony*)¹³. Не менее важно для Хёрш и признание ограниченности проработки прошлого, где когнитивный импульс саморефлексии все же преодолевает аффект и выходит за рамки навязчивого повторения. По ее мнению, для поколения выживших в большей степени характерен раскол между ностальгией по прошлому и травмированной памятью: «Выживший должен отделить ностальгическую память от памяти травматичной, чтобы усилить позитивные аспекты ностальгии. <...> Однако во время путешествия [в Черновцы] ‘позитивное прошлое’ оказалось перекрыто ‘негативным прошлым’. Ностальгия не стыкуется с негативной и травмированной памятью, что вызывает амбивалентные ощущения»¹⁴.

С другой стороны, для Хёрш фотография – не просто след и материальный остаток¹⁵, но еще и действие соотнесения себя с неким сообществом – семьей. И эта специфика фотографии как медиума по сравнению с письмом (важным для Ш. Фелман и Дж. Хартмана) и голосом раны дру-

¹¹ Hirsch, Spitzer. 2010.

¹² Hirsch. 2012. P. 2.

¹³ Подробнее об этой полемике см.: Кобылин, Николаи. 2011. С. 143-149.

¹⁴ Hirsch. 2006. P. 260-261.

¹⁵ «Историки искусства и сторонники семиотики рассматривают фотографию как след. Понятие следа или индекса относится к материальной, физической и потому предельно важной связи между образом и референтом». И далее: «Картинка ‘материализует’ память». Hirsch. 2001. P. 13, 14.

гого (на котором делает акцент К. Карут) принципиально важна для Хёрш. «Фотография стала парадигматическим медиумом поколения пост-холокоста»¹⁶. Важно отметить также, что если сторонники *trauma studies* отмечают прямой, непосредственный характер воздействия прошлого, то Хёрш уравнивает в правах посредническую роль фотографий и текстов, устные и видео-свидетельства, которые, конечно же, часто влияют друг на друга. История у Хёрш через интернализацию превращается в постпамять, связывающую и одновременно разделяющую между собой разные поколения: она передает силу аффекта и не позволяет забыть прошлое, хотя и не предлагает его прямых репрезентаций. В этом смысле постпамять исходит не из логики идентичности, но становится посредником (точнее, пост-медиумом) между поколениями¹⁷. И в этом позиция Хёрш оказывается ближе оппонентам *trauma studies* – сторонникам интеллектуальной истории, в частности Д. ЛаКапра.

«Для переживших травму граница между поколениями – это брешь между травмированной памятью, укорененной в [их собственном] теле, и опосредованным знанием рожденных позже»¹⁸. Если для поколения прошедших Холокост родителей Хёрш важна персональная, укорененная в специфическом опыте выживания «травмированная память», то для ее собственного поколения «родившихся позже» – инициаторов *memory- and trauma studies* – неизбежна работа широкого спектра *частично опосредованных* семейными рамками отношений траура и ностальгии, проработки и отыгрывания, эмпатии и аффективного повторения. «Если наши родители, возвращаясь в Черновцы, надеялись найти хоть какие-то следы своего прошлого, для нас – поколения постпамяти – возвращение не могло стать средством восстановления [примирения с прошлым] и обретения покоя. Унаследовав осколки памяти (как позитивной, так и негативной), мы не могли надеяться на воссоединение этих фрагментов. Для нас это путешествие стало процессом поиска – творческим проводником контакта, способствующим встрече ностальгической и негативной памяти»¹⁹.

В этом контексте становится понятен и смысл подзаголовка последней работы Хёрш — «Письмо и визуальная культура после Холокоста». Известные слова Т. Адорно о невозможности поэзии после Аушвица иллюстрируют собой линейного нарратива и кризис исторической памяти для «поколения выживших». Но для «родившихся позже» отдельные об-

¹⁶ Hirsch. 2012. P. 29.

¹⁷ Ibid. P. 27.

¹⁸ Hirsch. 2006. P. 71-72.

¹⁹ Hirsch. 2006. P. 263.

разы и воспоминания детства все-таки можно косвенно заключить в некие социальные и когнитивные рамки, пусть ограниченные и неполные. С этой точки зрения, сам рост *memory studies* в 1980-90-е гг. представляется именно саморефлексией поколения «родившихся позже»²⁰. Поэтому, кстати, и для тех, и для других необычайно важны визуальные источники. Но если для поколения выживших они представляют собой разрозненные материализованные образы, то для их детей они, скорее, дают пример косвенной референции и парадоксального перевода – выстраивания сообщества смыслов, несводимого к линейному нарративу.

Впрочем, Хёрш утверждает, что жизнь ее родителей также оказалась сформирована как отношения постпамяти с миром своих предков в империи Габсбургов: «Мир, в котором выросли Лотта и Карл Хёрш, а также их современники был уже сформирован ‘постпамятью’ – опосредованным отношением к потерянному, по выражению С. Цвейга, ‘вчерашнему миру’. Миру, который они сами унаследовали от родителей и дедов, пользовавшихся всеми преимуществами жизни еврейской диаспоры при Габсбургах»²¹.

Возвращаясь к вопросу о границах универсальных претензий «когнитивного» измерения памяти, следует отметить, что концепция М. Хёрш выявляет существенный зазор или цезуру между позициями разных поколений исследователей. Для поколения, прошедшего вторую мировую войну и пережившего Холокост, стремление к рациональному осмыслению прошлого оказывается принципиально важным, но фактически не достижимым – настолько мощные силы аффекта и шока он пробуждает. Для их детей, чье детство пришлось на уже послевоенное время, арсенал классической рациональности оказывается ограничен этическими соображениями: признание разрывов и лакун исторической (пост)памяти представляется им крайне важным противоядием циничному «присвоению» опыта Другого. Такое присвоение становится сегодня все более распространенным и востребованным. Как пишет Хёрш, «В этом смысле память сменила понятие идеологии, став основой новой общности, объединяющей индивидов, семьи и разные сообщества травмы»²². В этом контексте приставка *пост*- обозначает важный барьер или этическую границу, признание отличия опыта разных поколений и со-

²⁰ Hirsch. 2012. P. 2.

²¹ Hirsch, Spitzer. 2010. P. 256.

²² Hirsch. 2012. P. 26.

циальных групп, что, впрочем не исключает готовности к критической саморефлексии и рациональному сравнению взглядов на прошлое. Лишь при полном равноправии этих модальностей можно понять «единство в многообразии» исторической памяти – «одновременного признания идеи существования множества разных историй и идеи единства исторического опыта»²³.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильев А.Г.* Современные memory-studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-49.
- Кобылин И.И., Николаи Ф.В.* М. Джей и Д. ЛаКапра: две стратегии критики возвышенного // Топология возвышенного в современных гуманитарных исследованиях / Под ред. А.В. Хазиной. Н. Новгород: НГПУ, 2011. С. 141-162.
- Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образ прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
- Репина Л.П.* «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 181-190.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
- Трубникова Н.В.* История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 121-131.
- Dawson G.* Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003 // The Politics of Cultural Memory / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230-252.
- Geschier S.* Narrating the Holocaust to Younger Generations: Memory and Postmemory in the Cape Town Holocaust Centre // International Journal of Historical Learning, Teaching and Research. 2006. Vol. 6. [<http://centres.exeter.ac.uk/historyresource/journal11/Geschier.pdf>]
- Hirsch M.* “What We Need Right Now Is to Imagine the Real”: Grace Paley Writing against War // PMLA. 2009. Vol. 124. No. 5. P. 1768-1777.
- Hirsch M.* Surviving Images: Holocaust Photographs and the Work of Postmemory // The Yale Journal of Criticism. 2001. Vol. 14. No. 1. P. 5–37.
- Hirsch M.* The Mother/Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism. Bloomington: Indiana University Press, 1989. 260 p.
- Hirsch M.* Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, MA: Harvard College, 1997. 320 p.
- Hirsch M.* Marked by Memory: Feminist reflections on Trauma and Transmission // Journal of Modern Jewish Studies. 2006. Vol. 5. P. 71-91.
- Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 320 p.
- Hirsch M., Spitzer L.* “We Would Not Have Come Without You”: Generations of Nostalgia // American Imago. 2002. Vol. 59. No. 3. P. 253–276.

²³ Репина. 2012. С. 185.

- Hirsch M., Spitzer L.* Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory. Los Angeles: University of California Press, 2010. 362 p.;
- Kaplan B.A.* Landscapes of Holocaust Postmemory. N.Y.: Routledge, 2011. 272 p.
- Rites of Return: Diaspora Poetics and the Politics of Memory. / Ed. by M. Hirsch and N.K. Miller. N.Y.: Columbia University Press, 2011. 328 p.
- Teaching the Representation Of The Holocaust. / Ed. by M. Hirsch and I. Kacandes. Modern Language Association of America, 2004. 512 p.
- The Familial Gaze / Ed. by M. Hirsch. Hanover: U.P. of New England, 1999. 498 p.

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru.

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; anph1@yandex.ru.